

28.01.03

28

«Главное – отделить настоящее от клонированного. Имитация иногда трудноразличима»

Такой увидел «бедную Лизу» современный художник Юрий Юрасов

ЧИТАТЕЛЬ

МЕСТО ДЛЯ «БЕДНОЙ ЛИЗЫ»

В этом году Национальная премия Ивана Петровича Белкина за лучшую повесть года будет вручена во второй раз. Поскольку по уставу премии жюри приходит и уходит, но остается координатор – критик, первый зам. главного редактора журнала «Знамя» Наталья ИВАНОВА, с ней мы и решили обсудить некоторые литературные подробности.

ПОВЕСТЬ

– Наталья Борисовна, сколько повестей было выдвинуто на премию Белкина в этом году?
– Двадцать восемь. Но если в прошлом году жюри щедро отобрало в финал шесть повестей, лукаво сославшись на «Шестую повесть Белкина» – зощенковскую стилизацию, то теперь мы решили, что не выйдем из комнаты, пока не договоримся до положенных пяти финалистов.
– Провинция представлена?
– Да. Это «Встречное движение» Юрия Горюхина, опубликованное журналом «Бельские просторы» в Уфе. Больше про этого автора ничего не знаем. В пятерку лучших также вошли «Из книги «Опыт»

Марины Вишневецкой, «Жажда» Андрея Геласимова, «Помощник китайца» Ильи Кочергина и «Кастрировать Кастрюльца» Асара Эппеля.
– Председатель первого жюри Фазиль Искандер говорил, что его приятно поразил литературный уровень текстов, но огорчило исходящее от них уныние. За истекший год мы не повеселели?
– Повесть – очень живой жанр, она постоянно меняет ракурс и дух. Почти все повести этого года написаны от первого лица, они современны по материалу (у Эппеля, правда, повествование ретро), они на высоком профессиональном

уровне и в целом не печальны, не депрессивны.
– Вы все читаете все или делите «фронт работ»?
– Работаем по-честному: в конце декабря каждый член жюри получает тяжелый черный мешок. Но ведь надо не только прочесть, но и обдумать. Обсуждаем тоже неформально.
– В прошлом году ЭКСМО собиралось издать сборник повестей-лауреатов – это осуществилось?
– Пока нет. Повести разные и по объему, и по направлениям, в сборник не сложились. Но это могла бы быть отличная книга для чтения, и я не теряю надежды. Может, в будущем сделаем двухтомник. Ведь когда издадут всю макулатуру, читатель неизбежно вздохнет и спросит: а где настоящее?
– Вы думаете, он к тому времени не переделается?
– Уверена, что останется. Все идет по синусоиде, и за спадом неизбежно приходит подъем. Социологов спросите. Наладится сеть распространения – и оптовики не смогут больше навязывать читателям собственные вкусы.
– В смерть русской прозы вы не верите? Кое-кто из критиков уверяет, что современный роман «провонял, как старец Зосима в «Братьях Карамазовых».
– Не верю ни в смерть романа, ни в смерть повести. Эти жанры себя не исчерпали, что бы ни говорили критики, да и сами прозаики. Если в один год вышли романы Сергея Гандлевского «НРЗБ» и Владимира Шарова «Воскрешение Лазаря» – о какой смерти русского романа мы говорим? А Василий Аксенов, возвестивший на страницах «МН» о смерти романа, сославшись на мнение какого-то американского издателя, сейчас сам работает над новым романом. Роман живет и в массолите (детектив, любовный роман как бы эксплуатируют этот

жанр), но он жив и в серьезной литературе. Что касается повести – это вообще жанр традиционно русский. Новая русская литература и началась с повести Карамзина «Бедная Лиза». Потом пошли повести Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского. И Чехов романа не написал, а повесть у него есть. В советское время – Платонов, позже – Трифонов. Но повесть не издашь отдельной книгой – это как раз специфически журнальный жанр.
– Как «Знамя» формирует свой «прозаический» портфель?
– Читаем поток произведений. В прозе пользуемся несколькими оценочными градациями: «Да, безусловно»; «Я не против»; «Сомневаюсь». Идет та проза, которая всем нам кажется актуальной. Задача журнала – предложить свою галерею современной прозы. Ведь часто мы печатаем вещи, которые противоречат друг другу; и часто авторы, соседствующие на страницах нашего журнала, по эстетическим соображениям чай бы вместе пить не стали. Отчасти это риск, но кто не рискует – тот не пьет шампанское. Главное – отделить настоящее от клонированного. Имитация иногда трудноразличима.
– В январском номере у вас рубрики перекликаются, «круг замкнулся». Это ваша политика?
– Иногда это рождается само, но экспромт лучше хорошо подготов-

ленный. Роман Александра Терехова «Бабаев» назван «Воспоминаниями», но это обманка. Перед нами роман в жанре нон-фикшн, мы поместили его в одноименную рубрику. А в разделе «Конференц-зал» за «круглым столом» собрались литераторы разных направлений, которые обсуждают тот же жанр с точки зрения соотношения вымысла и реальности. Так для читателя рождается стереоскопический взгляд. А вообще для нас все «чем хуже – тем лучше»: чем меньше круг читателей, тем более интересным и завлекательным должен быть журнал, тем сложнее его делать.
– Изменился ли в этом году структура журнала?
– У нас новые рубрики: «Время и место», «Ситуация». Мы «поднимаем талию» – хотим больше эссеистики. Ее писать нелегко, она требует мыслей. У Буратино – помните? – были мысли длинные и короткие; длинные редко появляются. В планах этого года – публикация переписки Лидии Корнеевны Чуковской с Давидом Самойловым, новый роман Юрия Арабова, тексты Гриши Брускина. Крупную вещь обещал Владимир Маканин, что-то, может быть, даст Людмила Петрушевская – только бы захотела! А вообще – ждем всех интересных авторов.

Беседовала Ольга ДУНАЕВСКАЯ

Пучкина А.С.